

ДЕНИС Ю. СИВКОВ¹

РАНХиГС, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1645-9604

Космополитика vs биополитика: тело, техноутопия и доступ в космос²

doi: 10.22394/2074-0492-2003-3-95-110

Резюме:

В статье рассматривается тело как ставка в освоении космоса на стыке технологий, материальных практик и утопических представлений. Отталкиваясь от интерпретации фильма «Гаттака» в свете проблемы доступа в космос, в статье противопоставляются два техноутопических режима — космополитика и биополитика. Космополитика предполагает равенство доступа в космос всех желающих, а биополитика связывает телесные ограничения с проблемой регравитации. Регравитация — это практики биополитической дисциплинарности, направленные на сохранение «земных» условий существования тела. Проблема доступа в космос рассматривается на примере спора о границе между земной атмосферой и космосом в движении NewSpace. Радикальный шаг здесь делают космические любители, определяя стратосферу как «почти космос». В этом смысле любительская космонавтика оказывается космополитикой — не столько в смысле космоса как политического порядка, равного для всех существ и сущностей, сколько в смысле политики равного доступа в космос как пространство за пределами Земли. В любительской техноутопии К.Э. Циолковского предлагается радикальная трансформация тела и освобождение его от земного притяжения. Люди станут «гражданами эфира» и с помощью экстремальной среды получат дополнительные возможности.

Ключевые слова: космополитика, биополитика, техноутопия, тело, освоение космоса, доступ в космос, любители, NewSpace, регравитация, трансгуманизм, космизм, «Гаттака»

1 Сивков Денис Юрьевич — кандидат философских наук, доцент РАНХиГС, Москва. Научные интересы: STS, антропология космоса и космонавтики, исследования мобильностей. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

2 Статья выполнена в рамках научно-исследовательской работы Научно-исследовательского Центра социологических исследований ФСФ ИОН РАНХиГС № 10.8-2023-1 «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопий».

Acknowledgments: The article was written as part of the research work of the Research Center for Sociological Research of the FSF ION RANEPa No. 10.8-2023-1 “The role of amateur communities in the development of technologies: from practices of use to the construction of techno-utopias.”

Denis Yu. Sivkov¹

RANEPA, Moscow, Russia

Cosmopolitics vs Biopolitics: Body, Technoutopia and Access to Space

Abstract:

The paper examines the body as a stake in space exploration at the intersection of technology, material practices and utopian imaginaries. Based on an interpretation of the film “Gattaca” in the light of the problem of access to space, the paper opposes two techno-utopian regimes — cosmopolitics and biopolitics. Cosmopolitics assumes an equality of access to space for all beings, while biopolitics links bodily restrictions to the problem of regravitation. Regravitation is the biopolitical practice aimed at preserving the “terrestrial” conditions of the body’s existence. The problem of access to space is exemplified by the debate over the boundary between Earth’s atmosphere and space in the NewSpace movement. A radical step here is taken by space amateurs, defining the stratosphere as “almost space”. In this sense, the amateurs’ space techno-utopia turns out to be cosmopolitan — not so much in the sense of space as a political order equal to all beings and entities, but in the sense of a politics of equal access to space beyond Earth. K. E. Tsiolkovsky’s amateur techno-utopia proposes a radical transformation of the body and its liberation from terrestrial gravity. People will become “citizens of the ether” with the help of an extreme environment and gain additional opportunities.

Keywords: Cosmopolitics, biopolitics, technoutopia, body, space exploration, access to space, amateurs, NewSpace, regravitation, transhumanism, cosmism, Gattaca

Введение

В научно-фантастическом фильме режиссера Эндрю Никкола «Гаттака» (1997) главный герой Винсент в исполнении Итана Хоука вынужден идти на сложное в технологическом смысле преступление. Для того чтобы устроиться в космическую корпорацию, герой подделывает свою генетическую личность, используя биоматериал Джерома Морроу (Джуд Лоу). В итоге благодаря манипуляциям Винсент/Джером отправляется в качестве штурмана первого класса в годовую экспедицию на Титан — четырнадцатый спутник Сатурна. В антиутопии «Гаттаки» люди делятся на *valid* и *in-valid* в смысле генетического (не)совершенства. Юджин был зачат обычным образом, у него близорукость и проблема с сердцем — таких

1 Denis Yu. Sivkov — PhD in Philosophy, Associate Professor, RANEPA, Moscow. Research interests: STS, anthropology of outer space, mobilities studies. E-mail: d.y.sivkov@gmail.com

не берут в астронавты. Поэтому он находит Джерома, который генетически совершенен, но попал в автокатастрофу и не может ходить. Вместе они составляют телесный симбиоз, который в итоге обеспечивает герою попадание в космос.

Исследователь научной коммуникации Джеймс Кирби обратил внимание, что одним из ключевых образов фильма является архитектурная деталь — преграда или перегородка, отделяющая героя от его заветной цели: «Несколько сцен изображают физические барьеры, которые ярко иллюстрируют препятствия, которые общество «Гаттаки» ставит на пути неулучшенных личностей» [Kirby 2000: 201]. В одной из начальных сцен фильма Винсент глазееет через прозрачный купол на взлет космического корабля. За этим занятием его застаёт коллега Айрин (Ума Турман) и заставляет героя оправдываться: «Если хочешь притвориться, что это тебя не волнует, не смотри наверх». Даже проявление мечты о космосе запрещено в мире идеальных, но холодных людей. Так вот, прозрачный купол, как кажется, выбран не случайно. Он, возможно, символизирует призрачную доступность космоса — запуск можно наблюдать, но попасть на корабль невозможно. В космический век сотни тысяч людей мечтали о космосе, но всего там побывали чуть более 600 человек.

97

Антиутопия Никкола вызвала колоссальный резонанс среди исследователей, в том числе среди социальных ученых, но при этом никто не анализировал картину на предмет проблемы доступа в космос. В основном речь идет о теле и генетическом детерминизме и о будущем, которое предлагает такой детерминизм [Junker 1999; Kirby 2000; Banner 2011].

Однако мечта героя о полете слишком навязчива в киноповествовании, чтобы ее проигнорировать.

Кроме того, может показаться, что Кирби и другие исследователи единодушны: «Гаттака» описывает уже почти свершившееся. Действительно, в космический век космонавты и астронавты должны были быть совершенными, в том числе совершенными космическими телами. Требования распространялись как на физиологию, так и на эстетику [Shaw 2004; Kohonen 2011; Patarin-Jossec 2020]. Сегодня в России уже существует любопытное телесное ограничение на пути в космос: татуировка ставит крест на карьере космонавта. Люди, которые наносят рисунки на свои тела, считаются психологически неустойчивыми и заикленными на своем теле [Кожемякин 2021]. Только носители нормальных и неиспорченных тел (и, соответственно, душ) могут стать космонавтами.

В этой работе я хотел бы обсудить проблему доступа в космос в связи с телесностью. Какой ставкой является тело в освоении космоса на стыке технологий, материальных практик и утопических представлений? Является ли в этом смысле тело ограни-

чением или возможностью? Как присутствие человека в космосе может изменить и/или освободить тело? Какие возможности у биополитических (в смысле подхода Мишеля Фуко) режимов контроля телесности в космосе? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно в первую очередь понять, в чем состоит проблема доступа в космос.

Доступ в космос

98

В июле 2021 года можно было наблюдать новый виток космической гонки. Участниками были два представителя движения *NewSpace* — *Virgin Galactic* Ричарда Бренсона и *Blue Origin* Джеффа Безоса. Миллиардеры соревновались в туристических запусках в космос: 11 июля космический аппарат *VSS Unity* вывел за пределы земной атмосферы космолет *SpaceShip Two* с двумя пилотами и четырьмя пассажирами, включая самого Бренсона. Через девять дней полет совершила капсула *New Shepard* с Безосом, его братом Марком и четырьмя пассажирами на борту. Оба миллиардера (как и в целом движение коммерческой космонавтики) декларируют демократизацию доступа в космос. То есть ньюспейсеры считают, что космос стал доступнее для любого желающего (за деньги). Выйти за пределы земного притяжения стоит примерно 250 тысяч долларов. Желающие провести несколько минут в невесомости и лицезреть потрясающие виды планеты есть и даже стоят в очереди. Кто-то горько пошутил: «Миллиардеры продают билеты миллионерам».

Здесь интересен другой — почти географический аспект гонки. Поскольку технологические особенности аппаратов Бренсона и Безоса разные, постольку поднимаются они на разную высоту. Еще до запуска представители *Blue Origin* заявили, что их конкурент Бренсон не окажется в космосе. Генеральный директор Боб Смит пожелал конкурентам хорошего полета, но при этом заметил, что *Virgin Galactic* не пересечет так называемую линию Кармана [Wall 2022] — рубеж, отделяющий земную атмосферу от космоса, выше которого невозможно продолжать авиационный полет. Международный (европейский) стандарт считает, что космос начинается после 100 километров (62 мили). В США другой стандарт — там безвоздушное пространство начинается ниже — после 80 км (50 миль). Так считают в НАСА, Федеральном авиационном управлении (FAA) и Вооруженных силах США. В этом споре Безос был на стороне международного стандарта, Бренсон — на стороне американского. Этот (видимо, все еще открытый) спор показывает, что один из участников, возможно, не способен предоставить доступ в космос

всем желающим (миллионерам). Как отметил один из комментаторов, «это не просто философская дискуссия. Вопрос (где начинается космос? — Д. С.) имеет реальные финансовые последствия, потому что одна компания космического туризма продает места на полеты, которые, возможно, не достигают последнего рубежа (final frontier)» [Wall 2022].

Действительно, в течение всего космического века доступ в космос и его контроль был важнейшей проблемой. В статье, посвященной краудфандингу в космической области, поднимается проблема доступа в космос [Romero et al. 2019]. В частности, отмечается следующее: «Космос был доступен для группы богатейших государств, которые хотели и могли выделить миллионы долларов на исследовательские и экспедиционные инициативы большого масштаба на десятилетия» (Ibid.: 44). По мнению авторов, краудфандинг (низовой и добровольный сбор средств на проекты изучения и освоения космоса) должен существенно облегчить доступ в космос новым независимым игрокам.

Но проблема доступа в космос связана не только с маленьким клубом космических держав, в который страны Глобального Юга пытаются (как правило, безуспешно) вступить [Mitchell 2017]. Внутри «астрокультур» в этих странах достаточно много барьеров и ограничений. На первых этапах космической истории военные летчики и инженеры сражались друг с другом за право контролировать доступ в космос — кто может отправить на орбиту, по каким критериям отбирать, какие фильтры конструировать [Gerovitch 2015]. Теперь миллиардеры со своими ресурсами, правилами и утопическими допущениями пытаются переопределить доступ в космос. При этом все названные акторы так или иначе прикрываются благородными целями, утверждая, что освоение космоса и колонизация Марса осуществляется «ради всего человечества» [Сивков 2020; Tutton 2021]. Получается, что обычные люди имеют крайне мало шансов оказаться в космическом пространстве, особенно минуя фильтры образования и другого подтверждения профессионального статуса и пригодности.

Чтобы обойти существующие преграды на пути в космос, космические любители предлагают сделать еще более радикальный шаг. Как правило, любители — это энтузиасты, не имеющие профессионального образования, которые бесплатно в свободное от основной занятости время разрабатывают, изготавливают, тестируют и запускают артефакты изучения и освоения космоса. Есть также астрономы-любители, наблюдающие за небесными объектами и открывающие их. Есть радиолюбители, связывающиеся со спутниками, летающими на орбитах вокруг Земли, и друг с другом через спутники. Любительская техноутопия как представление

о лучшем пути в космос как раз основывается на том, что в космос непосредственно или опосредованно может попасть любой желающий, вне зависимости от возраста, пола или профессиональной принадлежности.

В частности, любители в своих проектах и инициативах показывают, что изучение и освоение космоса может быть намного проще, дешевле и интереснее чем в государственных и коммерческих структурах. Так, они покупают компоненты для сборки космических артефактов в соседнем магазине хозяйственных товаров, свои кухни и гаражи используют как лаборатории и сборочные цеха, а задний двор или огород как стартовые площадки [Сивков 2019; Сивков 2020б].

В контексте спора Бренсона и Безоса некоторые любители тоже пытаются переопределять границу космоса. Они запускают в стратосферу различные предметы и даже живых существ. В 2015 году, например, группа энтузиастов из Санкт-Петербурга отправила в стратосферу и вернула назад живой лабораторную мышь — мышеванта по имени Шум [Сивков 2019]. При этом стратосфера — 30–45 км от поверхности Земли находится ниже линии Кармана, но среди любителей считается «почти космосом». Латвийский любитель Паулс Ирбинс предложил своей супруге отправить в стратосферу их обручальные кольца. Обычно у любителей стратостат — это ящик, на который крепятся оборудование, датчики, источники питания и камеры GoPro для съемок видов с воздуха. Аппарат уносит ветром на 100–150 километров, и его непросто потом найти даже с помощью навигационного оборудования. Соответственно, чета Ирбинс рисковала потерять дорогую им вещь. Паулс говорил мне в интервью: «...еще полезный груз был обручальные кольца — мое и моей жены, мы положили наудачу. Мы просто с женой решили: давай пошлем наши обручальные кольца в космос. “Ну а если не найдем?” Я говорю: “Ну, не найдем, купим новые”. Но если найдем, будет хорошая история. И потом нашли. Не знаю, кто еще это делал, но вот наши обручальные кольца были уже *почти в космическом вакууме*» (курсив мой. — Д. С.) [Паулс Ирбинс, интервью 01.02.2022]. Эта «хорошая история» приносит частную жизнь в космос. «Полезной нагрузкой» здесь оказывается не прибор для научного эксперимента, а обычная вещь — пара колец, дорогая для их владельцев.

Российский любитель, лидер по стратосферным запускам в нашей стране, Денис Ефремов так аргументировал сходство стратосферы и космоса: «На высоте 30 километров 90 процентов всей атмосферы находится уже под вами и выше вас уже на 1000 километров размазан один процент. И в общем-то, с МКС вид не очень сильно отличается. То есть да, ты видишь под большим углом, но ты видишь такую же яркую, тоненькую, синенькую полосочку на гори-

зонте — это и есть вся атмосфера. И вот одно вот это осознание, когда ты видишь под собой шар... Вот в этой вот тоненькой полосочке... понимаешь, как мало тебя от губительного космоса отделяет, защищает, — вот это, конечно, воодушевляет. И ты понимаешь, насколько вот эти мирские проблемы, насколько они ничтожны по сравнению с какими-то глобальными вещами» [Денис Ефремов, интервью 28.11.2018]. Несмотря на то что видит все это любитель через камеру, ощущения похожи на эффект обзора (overview effect) — возвышенное, почти религиозное чувство, которое испытывают на орбите многие космонавты при взгляде на Землю [White 2014; Bjørnvig 2013]. Сам Денис хотел бы отправиться в стратосферу и сейчас он и его команда занимаются разработкой туристического стратосферного запуска. Стратонавта планируется поднимать в подержанном скафандре «Орлан» на шарах, наполненных гелием.

В любительской техноутопии маркирование стратосферы как «почти космос» переопределяет границу между земным и космическим, буквально приближая космос к тем, кого называют обычными людьми. В этом смысле любительская космонавтика оказывается космополитикой — не столько в смысле космоса как политического порядка, равного для всех существ и сущностей [Latour 2004], сколько в смысле политики равного доступа в космос как пространство за пределами Земли. Теперь необходимо понять, какие вызовы освоение космоса ставит перед человеческим телом.

101

Проблема регравитации

Освоение космоса не только пропускает в космос идеальные в эстетическом и физиологическом отношении тела. Экстремальная среда — радиация, невесомость или отличное от земного притяжение, отсутствие кислорода и другие факторы — радикально изменяют тело. Для многих писателей в жанре научной фантастики космос стал воплощением трансгуманистических фантазий, меняющих, казалось бы, незыблемую человеческую природу. В повести «Баллада о Бете-2» американского фантаста Сэмуэля Дилэни герой Джонини делает исследование для диплома по галактической антропологии. Он занимается расшифровкой «Баллады» — единственного поэтического источника Звездного племени. До того, как люди освоили гиперпространственные перелеты, они колонизировали космос на кораблях поколений. Чтобы достичь далеких звезд, людям важно было научиться передавать традиции от поколения к поколению. При этом появлялись новые ритуалы, которые делали Звездное племя все более и более первобытным [Дилэни 2020].

Антрополог Бен Финни, занимавшийся вопросами колонизации в космосе, предположил, что такая колонизация не обязательно дол-

жна быть централизованным мероприятием «всего человечества». Более вероятен сценарий малых групп, независимых от транснациональных компаний и государственных программ [Finney 1992: 118]. Более того, оказавшись рассеянным в межзвездном пространстве, «человечество» не сможет сохранить свое единство; появится множество вариантов человека, отличающихся друг друга от друга и культурно, и биологически. Как отмечал Финни, «среды обитания, значительно меньшие 1g, и среды, значительно превышающие одну гравитацию, буквально вызывают к биологической адаптации. Кроме того, систематическое применение к популяциям достижений в области генной инженерии, которые, вероятно, останутся запрещенными на земле и, по крайней мере, во внутренней Солнечной системе, вероятно, будет более легко применяться в межзвездном пространстве. Когда ближайшие соседи находятся на расстоянии светового года, группы, отчаянно нуждающиеся в физиологической адаптации к экстремальным условиям или стремящиеся повысить свой интеллект, будут чувствовать себя гораздо свободнее, экспериментировать и развивать свою собственную желаемую версию человечества» [Ibid.: 122-123]. То есть межзвездные люди будут результатом децентрализации проекта «Гаттака».

102

В «Балладе» на одном из кораблей Звездного племени Джонини видит странное существо — мальчика, перемещающегося в вакууме без скафандра. В одной из сцен этот звездный мальчик ловко хватается ногами как руками за разные конструкции и называет ноги руками. Галактического антрополога осеняет: оказывается, он неверно толковал один из фрагментов поэмы, думая, что речь шла о ногах, но это были руки. «Там, где гравитации нет или почти нет, где все конечности у людей сделались одинаково ловкими, слова, обозначающие положение по вертикальной оси (“верх” и “низ”, “выше” и “ниже”, “над” и “под”) должны были вскоре утратить первоначальную четкость значения» [Дилэни 2020: 341].

Видение антропологии и колонизации в повести Дилэни и в исследовании Финни сегодня не такая уж и фантастика. Опыт космонавтов, описанный ими в их личных орбитальных дневниках, часто связан именно с изменениями тела в условиях невесомости. Космонавт Юрий Усачев описывает ожидания от пребывания на орбите в отношении своих ног: «Через пару месяцев сойдет плотный слой кожи на подошве за ненадобностью, и будет она тонкой и нежной, как у младенца. Жду, как появятся мозоли на тыльной части ступни — из-за необходимости фиксироваться ногами в невесомости за поручни или натянутые леера» [Усачев 2004: 14].

После приземления телу придется вновь (подчас мучительно) привыкать к земным условиям. Как отмечал в своем дневнике Уса-

чев, «будет трудно, особенно первые дни. И руки, которые вдруг потяжелеют настолько, что даже легкие вещи будут казаться неподъемными, и попа, которая перестанет быть подушкой на некоторое время, и копчик, непонятно откуда взявшийся и приносящий неудобства при сидении. И заносить будет по первости на поворотах, и будет гораздо лучше сидеть, чем стоять, и лежать, чем сидеть. И будет трудно поверить, что наступит время, когда мы будем чувствовать себя так же, как и до полета. И будет это чувство нереальности происходящего, и много людей вокруг, а ты еще живешь станционной жизнью. И навалится эта земная жизнь на нас всей своей тяжестью и придавит на какое-то время, и полет, закончившийся только два дня назад, будет казаться чем-то очень далеким» [Там же: 382-383].

При этом «Земля», или Центр управления полетом, пытается не допустить физиологических изменений, и контролирует тела космонавтов. Космонавты должны соблюдать определенную дисциплину — делать физические упражнения, а также регулярно носить нагрузочный костюм «Пингвин», а также тренировочный костюм «Чибис». Последний создает в нижней части тела нагрузку, похожую на земную. После приземления космонавты проходят длительную программу восстановления.

103

Космонавт Виктор Савиных во время полета придумал способ, который помог бы ему поддерживать «земные» ноги: «На физкультуре опять бегал босиком по дорожке. Очень здорово! Володя тоже опробовал эту методику, понравилось. Вначале очень кололо подошвы, но затем ноги привыкают. Мы тут не ходим, а летаем, и подошвы уже где-то через неделю становятся очень чувствительны к любому прикосновению. Говорят, по возвращении из космоса ступать по земле первое время больно. Так что бег босиком, наверное, окажется полезным и в этом смысле» [Савиных 2010: 54].

В то же время советские и российские космонавты не всегда охотно делали «физо» и не любили носить «пингвины». Космонавт Валентин Лебедев пишет в своем дневнике, что ему и его напарнику было неудобно в этих костюмах работать, поэтому они решили их модифицировать: «Мы с Толей (космонавт Анатолий Березовой. — Д. С.) приняли решение снять все амортизаторы и весь полет ходили почти в обычных тонких хлопчатобумажных комбинезонах...» [Лебедев 1994: 215-216]. Сегодня на МКС космонавты в «Пингвинах» появляются только во время телетрансляций, а в остальное время предпочитают брюки карго, шорты и поло.

Таким образом, космонавты могут незаметно сопротивляться или поддерживать биополитический, в смысле Мишеля Фуко, режим «Земли» [Фуко 2005: 256-257]. Эта новая форма космической дисциплинарности предполагает сохранение тел людей в неиз-

менном земном виде, замораживая эволюционные трансформации, которые обещает экстремальная среда космоса. Скафандр, кстати, служит тем же самым биополитическим и одновременно техноутопическим целям. Он сконструирован и символически маркирован определенным образом. Как говорит Дебра Шоу, «космический скафандр, белый, сверхъестественно чистый и, по-видимому, непроницаемый, функционирует, чтобы обозначить продолжающуюся внутреннюю целостность (белых, мужских) тел...» [Shaw 2004: 133].

Антрополог Дэвид Валентайн во время исследования движения *NewSpace* в терминале *Gateway to Space* компании *Virgin Galactic*, расположенного в космопорте *Spaceport America* в пустыне Нью-Мексико, услышал от женщины-экскурсовода по терминалу термин «регравитация». Она говорила о необходимом физиологическом восстановлении даже после нескольких минут, проведенных в невесомости. То есть «короткое освобождение от гравитации Земли 1g требует нескольких часов обучения человеческих тел, чтобы приспособиться к конкретным воплощенным привычкам, необходимым для решения возникающих проблем в отсутствие общего набора отношений, который держит вещи на месте на Земле. И так они должны регравитировать до одного g» [Valentine 2019: 186]. Валентайн предлагает поставить под вопрос универсальность земного притяжения и возможность его воспроизводства в других средах. Антропологическая перспектива предлагает считать гравитацию относительной величиной. Земной стандарт в 1g не будет работать на других планетах, астероидах, на космических станциях и поселениях с искусственной гравитацией. Например, искусственная гравитация в цилиндре (Остров-III) американского физика Джерарда О'Нила (такие кольца есть и в «Космической одиссее: 2001», и в «Интерстелларе») не будет равной земной из-за различных физических сил. Как отмечает антрополог, «понадобятся разные привычки для разных направлений ходьбы, скалолазания или поворота» [Ibid.: 200]. Другими словами, в таких искусственных средах полностью воспроизвести земное притяжение невозможно.

Эти космические экстремальные среды на поверхности других планет или астероидов, на орбите и космических поселениях будут вызовом для наших земных привычек и для возможностей регравитировать что-либо, в том числе и наши тела. Но если нет возможности воспроизвести земные тела в космосе, то можно попробовать использовать их уязвимость. Дебра Шоу справедливо указывает на связь защищенной телесности в космосе с обнаженностью: «Уязвимость идентичности астронавта отражает уязвимость самого тела, о чем всегда должен напоминать скафандр» [Shaw 2004: 129].

Здесь она опирается на иммунологическую идею философа Донны Харауэй: «Жизнь — это окно уязвимости. Было бы ошибкой закрыть его» [Haraway 1991: 224; Сивков 2018]. В случае с телом в космосе нужно не ограничивать его земным притяжением, а экспериментировать в разных средах, изменяя телесность.

Граждане эфира

В финале «Гаттаки» главный герой летит в космосе и произносит такие слова: «Для меня, которого не должно было существовать в этом мире, неожиданно оказалось тяжело покидать его. Говорят, каждый атом в наших телах когда-то был частью звезды. Может быть, я не уйду. Может, я возвращаюсь домой». Идея такого «возвращения домой» любопытным образом резонирует с идеями русских космистов, в частности с идеями Николая Федорова и Константина Циолковского. Для Федорова важным было воскресить всех предков из первоэлементов, а перед этим сохранить такие первоэлементы в музеях-обсерваториях [Федоров 1995]. Циолковский же считал атомы мыслящими существами [Циолковский 2017б]. В этом смысле идея «Гаттаки» почти гностическая — можно освободить первоэлементы от биополитического гнета генетики и воссоединить их с такими же элементами Вселенной через освоение космоса. Или, иначе говоря, полет в космос и воссоединение и есть «правильная» генетика — «регуляция природы», если использовать термин Федорова.

105

Идеи космизма нашли продолжение в современном трансгуманизме. Антрополог Аня Бернштейн исследовала различные сообщества, продвигающие техноутопические идеи бессмертия в России. Она обратила внимание на аргументацию имморталистов в отношении освоения космоса. Некоторые космисты-трансгуманисты выступают против пути в космос, другие — за: «Освоение космоса может быть оправданно только в том случае, если смерть будет преодолена, тогда как для других российских футуристов эти два проекта рассматриваются как один. Космическое завоевание для них не является целью, которую нужно откладывать на более поздний срок, напротив, ее неотложность заключается в том, что она сама по себе является путем к духовной и биологической трансформации» [Bernstein 2019: 9].

Один из девизов космического века — фраза Циолковского: «Планиета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Ее цитируют всякий раз, когда космические оптимисты говорят о судьбе человечества и безудержном движении в космос с воспроизводством там земных условий и сохранением земных тел. Как это часто бывает с девизами, фраза про колыбель вырвана из кон-

текста, и поэтому ее неправильно понимают. Колыбель появилась в книге Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» в 1911 году. В более полном виде она выглядит так: «Нет надобности иметь дела на поверхности хотя бы и покрывшегося холодной корой Солнца. Нет даже надобности быть на тяжелых планетах, разве для изучения. Достижение их трудно; жить же на них — значит заковать себя цепями тяжести, иногда более крепкими, чем земные, воздвигнуть себе множество преград, прилепиться к ничтожному пространству, жить жалкой жизнью в утробе матери. Планета есть колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели» [Циолковский 1967: 86].

То есть речь идет не только и не столько о бегстве с Земли. Скорее, визионер Константин Эдуардович предложил более радикальную трансгуманистическую идею: вообще не стоит жить на поверхности планет. Рассуждая о будущем космической колонизации, Циолковский предлагает отказаться от планет с их притяжением, в том числе и по техническим причинам: «Дело пойдет далеко не так. О спуске на крупные небесные тела нельзя теперь и мечтать — так он труден. Даже спуск на такие небольшие тела, как наша Луна — дело отдаленного будущего...» [Циолковский 2017a: 334].

Циолковский считал, что на развитие организма влияет среда, а на других планетах будут совершенно другие существа: «Если бы на поверхности Земли и в атмосфере преобладали иные элементы, то и состав животных и растений был бы другой... на холодных и на жарких планетах возможны существа, составленные из тех морей, атмосфер и почв, которые существуют на планетах» [Там же: 398-399].

Эволюция на Земле и других небесных телах не завершена, и у человека всегда есть возможности меняться. Однако на земле эти возможности, по мнению Циолковского, ограничиваются притяжением. Например, в случае с размером головного мозга. «Но величина мозга может также возрастать вместе с пропорциональным увеличением всего животного. На Земле увеличению роста препятствует сила тяжести» [Там же: 402]. Сила тяжести, по сути, ограничивает рост интеллектуальных способностей человека.

Вместо «жизни на поверхностях» нужно стать «прирожденными гражданами эфира, чистых солнечных лучей и бесконечных бездн космоса» [Циолковский 1967: 98]. Тогда это освободит нас от притяжения и даст нашим телам новые возможности. Например, в разы увеличит наш мозг в невесомости. «Когда человек поселится в искусственных жилищах, в эфире, т.е. уйдет от Земли, победив ее тяжесть, то там, в эфире, между планетами не будет препятствия

для объемного развития мозга, если не считать сложности большого мозга и питающих его органов, которые, конечно, положат предел и развитию мозговой массы... Будет некрасиво, но ко всему можно привыкнуть. Красота — вещь условная и субъективная» [Циолковский 2017а: 402].

По мнению философа, граждане эфира смогут изменять свое тело в космосе вплоть до обретения бессмертия: «Лучшая часть человечества, по всей вероятности, никогда не погибнет, но будет переселяться от Солнца к Солнцу по мере их погасания... Итак, нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен. А если это так, то невозможно сомневаться и в достижении бессмертия» [Циолковский 1967: 100].

В техноутопии Циолковского невесомость — это не опасность, а возможность. Она может изменить человеческий вид до неузнаваемости, вместо рук космонавты начнут хватать все ногами, а увеличенный мозг превратит их в суперсуществ. В этой техноутопии отказ от регравитации — благо. Без притяжения можно менять, преобразовывать человека и его тело. Циолковский, таким образом, предлагает космополитику тела в космосе. Дело здесь не столько в равенстве доступа, сколько в возможностях, которые предоставляет космос, смелости и свободе изменения тела.

107

Заключение

Тело является одновременно ставкой и препятствием на пути в космос. Режим биополитического контроля позволяет через тело управлять доступом в космос. В этом смысле за пределы Земли могут отправить только «совершенные» тела. Противопоставляя космополитику и биополитику человеческих тел в космосе, я очерчиваю контуры двух техноутопий, в которых тело занимает разное положение. В биополитике тело должно оставаться неизменным в его физиологических параметрах, все технологические усилия должны направляться на регравитацию — поддержание земной человеческой «природы» в теле. Космополитика тела в космосе предлагает использовать «уязвимости» тела как возможности для его трансгуманистической трансформации. Один из родоначальников космической эры, первый космический любитель Константин Циолковский искал свой собственный, низовой доступ в космос [Сиддики 2005]. Он предложил освободить тело от земного притяжения и тем самым изменить его в невесомости. Любительские космополитические техноутопии уже сегодня обозначают линии и границы доступа и обещают землянам другое телесное и космическое будущее, подобное финалу фильма «Гаттака».

Библиография / References

Дилэни С. (2020) *Вавилон-17. Пересечение Эйнштейна: романы, повести*, СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус.

— Delany S. (2020) *Babel-17. The Einstein Intersection*, SPb.: Azbuka; Azbuka-Attikus. — in Russ.

Кожемякин В. (2021) Правда, что в космонавты не берут с татуировкой? *Аргументы и факты*, 18.09.2021. https://aif.ru/society/science/pravda_chno_v_kosmonavty_ne_berut_s_tatuirovkoy

— Kozhemyakin V. (2021) Is that true you can't be a cosmonaut with tatoo? *Argumenty i fakty*, 18.09.2021. https://aif.ru/society/science/pravda_chno_v_kosmonavty_ne_berut_s_tatuirovkoy — in Russ.

Лебедев В. (1994) *Мое измерение: дневник космонавта*, М.: Наука.

— Lebedev V. (1994) *My dimension: cosmonaut's diary*, М.: Nauka. — in Russ.

Савиных В. (2010) *Вятка. Байконур. Космос*, М.: Издательство «МАКД».

— Savinyh V. (2010) *Vyatk. Baikonur. Space*, М.: Izdatel'stvo "MAKD". — in Russ.

Сивков Д. (2018) Свое или чужое? Создание тела в иммунологии. *Логос*, (5): 249-286.

— Sivkov D. (2018) Self or Non-self? Constructing the body in immunology. *Logos*, (5): 249-286. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2019) Освоение космоса в домашних условиях: любительская космонавтика в современной России. *Этнографическое обозрение*, (6): 67-79.

— Sivkov D.Yu. (2019) Space exploration at home: Amateur cosmonautics in contemporary Russia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (6): 67-79. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2020а) Доступ в космос: российские любительские технологии в изучении и освоении космоса. *Социология науки и техники*, (3): 179-197.

— Sivkov D.Yu. (2020a) Access to Space: Russian Amateur Technologies in Space Research and Exploration. *Sociologiya nauki i tekhniki*, (3): 179-197. — in Russ.

Сивков Д. Ю. (2020б) Места и масштабы: онтологии освоения космоса. *Сибирские исторические исследования*, (1): 75-96.

— Sivkov D.Yu. (2020b) Of scales and places: Ontologies of space exploration. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, (1): 75-96. — in Russ.

Сиддики А. (2005) Наука за стенами академии: К. Э. Циолковский и его альтернативная сеть неформальной научной коммуникации. *Вопросы истории естествознания и техники*, (4): 137-154.

— Siddiqi A. (2005) Science beyond the academy: Tsiolkovski's alternative network of scientific communication. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, (4): 137-154. — in Russ.

Усачев Ю. (2004) *Дневник космонавта: при жизни в космосе*, М.: Гелиос.

— Usachev Yu. (2004) *Cosmonaut's diary: three lives in space*, М.: Gelios. — in Russ.

Федоров Н. Ф. (1995) *Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I*, М.: Прогресс.

- Fedorov N. F. (1995) *Collected papers in four volumes. Vol. I*, М.: Progress. — in Russ.
- Фуко М. (2005) «Нужно защищать общество». Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году, СПб.: Наука.
- Foucault M. (2005) “*Society Must Be Defended*”: *Lectures at the Collège de France, 1975–1976*, SPb.: Nauka. — in Russ.
- Циолковский К. Э. (1967) *Исследование мировых пространств реактивными приборами*, М.: Машиностроение.
- Tsiolkovsky K. E. (1967) *Study of outer space by reaction devices*, М.: Mashinostroenie. — in Russ.
- Циолковский К. (2017a) *Избранные произведения: в 2 т. Т. 1*, М.: Книжный Клуб Книгоvek.
- Tsiolkovsky K. (2017a) *Selected writings in two volumes. Vol. I*, М.: Knizhnyj Klub Knigovek. — in Russ.
- Циолковский К. (2017b) *Избранные произведения: в 2 т. Т. 2*, М.: Книжный Клуб Книгоvek.
- Tsiolkovsky K. (2017b) *Selected writings in two volumes. Vol. II*, М.: Knizhnyj Klub Knigovek. — in Russ.
- Banner O. (2011) The Postracial Imagination: Gattaca’s Imperfect Science. *Discourse*, 33(2): 221–241.
- Bernstein A. (2019) *The Future of Immortality: Remaking Life and Death in Contemporary Russia*, Princeton; Oxford: Princeton University Press.
- Bjørnvig Th. (2013) Outer space religion and the overview effect: a critical inquiry into a classic of the pro-space movement. *Astropolitics: The International Journal of Space Politics & Policy*, 11(1–2): 4–24.
- Finney B. (1992) *From Sea to Space*, Palmerston North: Massey University.
- Gerovitch S. (2015) *Soviet Space Mythologies: Public Images, Private Memories, and the Making of a Cultural Identity*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Haraway D. (1989) *Primate Vision: Gender, Race and Nature in the World of Modern Science*, London, New York: Routledge.
- Junker K. W. (1999) Gattaca: defacing the future. *Futures*, 31: 631–635.
- Kirby D. (2000) The New Eugenics in Cinema: Genetic Determinism and Gene Therapy in “GATTACA”. *Science Fiction Studies*, 27(2): 193–215.
- Kohonen I. (2011) The Heroic and the Ordinary: Photographic Representations of Soviet Cosmonauts in the Early 1960s. *Soviet Space Culture: Cosmic Enthusiasm in Socialist Societies*, New York: Palgrave.
- Mitchell S. T. (2017) *Constellations of inequality. Space, race, and utopia in Brazil*, Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Patarin-Jossec J. (2020) The politics of heroes’ body: ethnographing the training of foreign astronaut in Russia. *Corpus Mundi*, 1(2): 14–36.
- Pomeroy C., Calzada-Diaz A., Bielicki D. (2019) Funding me to the Moon: Crowdfunding and the New Space economy. *Space Policy*, 47: 44–50.

Shaw D. B. (2004) Bodies out of this world: the spacesuit as cultural icon. *Science as Culture*, 13(1): 123-144.

Tutton R. (2021) Sociotechnical Imaginaries and Techno-Optimism: Examining Outer Space Utopias of Silicon Valley. *Science as Culture*, 30(3): 416-439.

Valentine D. (2017) Gravity fixes: Habituating to the human on Mars and Island Three. *HAU: Journal of Ethnographic theory*, (7): 185-209.

Wall M. (2022) Will Richard Branson actually reach space on Virgin Galactic's 1st fully crewed launch? *space.com* (<https://www.space.com/will-richard-branson-reach-space-virgin-galactic>)

White F. (2014) *The overview effect: space exploration and human evolution. Third Edition*, Reston: American Institute of Aeronautics and Astronautics.

Рекомендация для цитирования:

Сивков Д. Ю. (2023) Космополитика vs биополитика: тело, техноутопия и доступ в космос. *Социология власти*, 35 (3): 95-110.

For citations:

Sivkov D.Yu. (2023) Cosmopolitics vs Biopolitics: Body, Technoutopia and Access to Space. *Sociology of Power*, 35 (3): 95-110.

Поступила в редакцию: 04.09.2023; принята в печать: 29.09.2023

Received: 04.09.2023; Accepted for publication: 29.09.2023